

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ

О.А. Кожевников^{1,2}, А.В. Савоськин^{2,3}, В.А. Мещерягина²

¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

³ Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

16 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2025 г.

Ключевые слова

Право на обращение,
обращение, цифровая
трансформация, цифровизация,
отзывы граждан, портал
обратной связи,
государственные услуги, жалоба

Цифровая трансформация конституционного права на обращение началась с либерального подхода (были установлены упрощенные требования к обращениям в электронной форме) и до 2025 г. характеризовалась увеличением числа электронных каналов подачи обращений граждан. Однако с 30 марта 2025 г. тенденция сменилась. Были упорядочены электронные способы подачи обращений, а их отправка была обусловлена идентификацией и (или) аутентификацией заявителей. В статье анализируются следующие этапы трансформации конституционного права на обращение: легализация обращений в электронной форме, появление специализированных государственных порталов для подачи обращений, появление исключительно электронных форм обращений граждан, использование Единого портала государственных и муниципальных услуг для подачи обращений, а также новеллы конца 2024 г., упорядочившие способы подачи электронных обращений.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO APPEAL

Oleg A. Kozhevnikov^{1,2}, Alexander V. Savoskin^{2,3}, Veronika A. Meshcheryagina²

¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

³ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

Article info

Received –

2025 April 16

Accepted –

2025 June 20

Available online –

2025 September 20

Keywords

Right to appeal, appeal, digital
transformation, digitalization,
citizen feedback, feedback portal,
government services, complaint

The subject of the research is the change in the content of the constitutional right to appeal under the influence of digital technologies. The purpose of the article is to establish the stages and features of the change in the content of the constitutional right to appeal in the Russian Federation under the influence of digitalization. When writing the article, the following methods of cognition were used: formal-legal, comparative-legal and historical. It was established that the digital transformation of the constitutional right to appeal began in the early 2000s with the admission of appeals in electronic form. In federal legislation, electronic appeals were allowed only in 2010. The reason for legalization is the introduction in Russia of the institution of state and municipal services that are provided electronically. The initial stage of digitalization of the constitutional right to appeal was liberal. Features of the initial stage of digitalization of the constitutional right to appeal: (1) simplified requirements for electronic appeals (no signature of the applicant); (2) an increase in the types of electronic appeals (the emergence of special pre-trial complaints, reviews of activities, etc.); (3) increasing the number of ways to submit electronic requests (via email, via state electronic portals, via mobile applications, via social networks, etc.). The latest stage of digitalization of the constitutional right to appeal began in 2020. This stage is characterized by a limitation on the number of ways to submit electronic requests. In 2020, pre-trial complaints in the field of control and supervision appeared. Such complaints can only be submitted using a specialized state Internet portal (<https://knd.gov.ru/main>). In 2020, an experiment was launched with submitting messages

on the portal “Reshaem vmeste” (“Let’s Decide Together”; <https://pos.gosuslugi.ru/landing/>). This portal is also the only way to submit electronic messages. Subsequently, the results of this experiment were used in 2023. This experiment allowed citizens to submit requests to government bodies through the Unified Portal of State and Municipal Services. Since March 30, 2025, fundamental changes have taken place in the regulation of electronic appeals of citizens: (1) the methods of sending electronic appeals have become part of the concept of a citizen’s appeal; (2) only three methods of sending electronic appeals have been established (the Unified Portal of State and Municipal Services, another state Internet portal, the website of an authority on the Internet); (3) e-mail has been abolished as a method of submitting appeals of citizens (e-mail is retained for sending responses to citizens); (4) sending appeals in electronic form requires identification and (or) authentication of applicants. Thus, since 2025, the approach to the digitalization of the constitutional right to appeal has changed, it has become more balanced.

1. Введение

Право на обращение – это одно из старейших и основных прав человека [1, с. 21]. Далеко не всегда оно закрепляется в конституциях государств, а если закрепляется, зачастую носит политический характер [2, р. 341; 3, р. 120; 4, р. 147] (как, например, в Конституции США). В Российской Федерации право на обращение является конституционным, носит универсальный и максимально широкий характер как по субъектам (заявителям и адресатам), так и по допустимой тематике обращений. Именно потому особый интерес вызывает вопрос о трансформации отечественного конституционного права на обращение с учетом развития цифровых технологий и их проникновение в общественную и государственную жизнь. О необходимости такого подхода к оценке современного состояния прав человека «в эпоху цифр» отмечает в своих публикациях и председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин¹.

Мы сразу оговоримся, что не будем отдельно погружаться в проблематику определения категории «цифровая трансформация» [5, р. 109–117; 6; 7, р. 137], а будем исходить из упрощенного ее понимания как применения электронно-вычислительных машин для отправки, получения, обработки обращений, а также направления ответов на них.

Стоит отметить, что и научная доктрина преломляет свое внимание в большей степени на аспекты цифровой трансформации подачи обращений через единые интернет-порталы всех уровней власти, что, по мнению ряда авторов [8, с. 75; 9, с. 157; 10, с. 273], является импульсом формирования единой системы государственного управления. Таким

образом, процессы цифровой трансформации преподносятся учеными как некие технические «атрибуты» механизма реализации права на обращение. Вместе с тем ряд известных исследователей уже сегодня обращает внимание на трансформацию содержания отдельных прав человека с приходом в механизм их реализации цифровых инструментов [11; 12]. В данной связи особенно интересно мнение Д.А. Пашенцева о том, что «необходимо в субъектах РФ предусмотреть право каждого гражданина на цифровизацию при обращении в органы публичной власти» [13, с. 37].

Рассматривая лишь техническую составляющую процесса трансформации права на обращение, следует отметить дискуссионность методологической составляющей подобных исследований [14], поскольку авторами таких работ несколько игнорируется формально-юридический подход в отражении процесса трансформации права на обращение, отдается предпочтение тому, чтобы описательно раскрыть технические особенности работы порталов для направления волеизъявлений граждан (в широком смысле: отзывов, «инициатив» и т. п.), что безусловно представляет интерес, но не позволяет в полной мере отразить реальные особенности и проблемы динамики правового регулирования изучаемой сферы [15, с. 47].

До настоящего времени остается малоизученным вопрос, насколько процессы цифровой трансформации влияют на содержание права на обращение граждан: расширили либо, наоборот, сузили реализацию правомочий данного права как субъективного права гражданина (что теперь вправе требо-

¹ Зорькин В. Право будущего – это те же вечные ценности свободы и справедливости // Российская газета. 2020. 15 апр. URL: [https://rg.ru/2020/04/15/zorkin-pravo-budushchego-](https://rg.ru/2020/04/15/zorkin-pravo-budushchego-eto-te-zhe-vechnye-cennosti-svobody-i-spravedlivosti.html)

[eto-te-zhe-vechnye-cennosti-svobody-i-spravedlivosti.html](https://rg.ru/2020/04/15/zorkin-pravo-budushchego-eto-te-zhe-vechnye-cennosti-svobody-i-spravedlivosti.html) (дата обращения: 08.04.2025).

вать граждан от органов власти; повлияла ли цифровая трансформация на качественное содержание правомочий права на обращение) [16, с. 41].

Полагаем, что изучение вызванных процессами цифровизации деформаций правомочий гражданина при реализации субъективного права на обращение позволяет давать оценку уровня его должной объективизации [17, с. 34] государством. В противном случае сохранится негативная тенденция спешного и бессистемного стремления законодателя урегулировать существующую практику внедрения цифровых технологий в механизм рассмотрения обращений без учета научной доктрины конституционного права гражданина на обращение [18, с. 89–103; 19, с. 45–50].

2. Факторы цифровой трансформации права на обращение

Нельзя не отметить тот факт, что хронологически первые шаги к цифровизации права на обращение граждан были осуществлены органами власти еще до их фактического общегосударственного нормативного закрепления и заключались в допущении в оборот электронного способа подачи обращений. Примечательно, что на первоначальном этапе цифровизации к электронным обращениям подходили весьма настоятельно и, например, требовали от заявителя подписывать обращения электронной цифровой подписью², что ввиду отсутствия цифровых подписей у подавляющей доли граждан фактически сводило на нет реальную практику их направления в органы власти³.

В базовом для права на обращение Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон о работе с обращениями)⁴ федеральный законодатель универсальное право заявителей подавать обращения в электронной форме закрепил лишь в 2010 г.⁵, т. е. спустя два года с момента появления федеральной нормативной основы для подачи электронных обращений в органы власти. Показательно, что указанные изменения были обусловлены не столько стремлением реформировать кон-

ституционное право на обращение граждан, сколько проводимыми в стране административными реформами: введением института государственных и муниципальных услуг (краеугольным камнем которых являлось предоставление гражданам возможности получения услуг в электронном виде) и внедрением информационной открытости органов власти.

С учетом того обстоятельства, что первые административные регламенты предоставления государственных и муниципальных услуг разрабатывались именно для процедуры рассмотрения обращений граждан, упоминание в Законе о работе с обращениями электронного способа подачи обращений было не просто закономерным, а неизбежным. При этом очень быстро подход признавать рассмотрение обращений граждан разновидностью государственных (муниципальных) услуг посчитали ошибочным (отнесли эту деятельность к разновидностям государственных (муниципальных) функций, а не услуг [20]), однако курс на цифровизацию и информационную открытость, обеспечиваемую преимущественно цифровыми средствами, был уже задан.

Поправки 2010 г. к Закону о работе с обращениями оказали существенное влияние на развитие механизма реализации конституционного права на обращение.

Во-первых, они стали допускать любой вариант отправки электронного обращения (по крайней мере, в законе отсутствовали конкретизация способов отправки или ограничения их отправки какими-либо условиями). На первоначальном этапе это привело к появлению двух основных каналов поступления обращений граждан: посредством электронной почты или посредством специальной формы обратной связи на сайте органа власти (так называемой электронной приемной).

Во-вторых, требования к обращению в электронном виде стали проще, нежели к традиционному письменному обращению. В частности, в электронном обращении можно было не указывать подпись и дату.

² См., напр., Закон Свердловской области от 20 марта 2006 г. № 13-ОЗ «Об обращениях граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в государственные органы Свердловской области, государственные организации Свердловской области и органы местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области».

³ По крайней мере какой-либо статистики их направления до 2010 г. в открытых источниках нами не обнаружено.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4196.

Подобный подход федерального законодателя на местах воспринимался по-разному. Одни органы власти следовали общефедеральному тренду и создавали максимальное количество электронных каналов получения обращений граждан (например, в Администрации г. Екатеринбурга допустимым каналом подачи обращений граждан считался рабочий адрес электронной почты каждого должностного лица; в Администрации г. Дегтярска обращения можно было подавать посредством социальных сетей⁶).

Другие органы власти стремились минимизировать поток электронных обращений. Для этого, например, устанавливали единый адрес электронной почты для подачи обращений и «прятали» его на сайте органа власти таким образом, чтобы его нельзя было сразу найти (в том числе не размещали его на первой странице своего сайта). Третьи органы власти стремились дополнительно регламентировать и «усложнить» процедуру подачи электронных обращений: вводили требование об обязательности подтверждения работоспособности адреса электронной почты (для направления ответа) при отправке обращений посредством официального сайта органа власти или применяли «защиту от роботов», т. е. вводили требование указать код в виде букв или символов с картинок (во избежание автоматизированной рассылки обращений).

При этом нельзя сказать, что те органы власти, которые стремились как-то ограничить (или упорядочить) электронный способ подачи обращений граждан, действовали недобросовестно. Скорее их действия были продиктованы желанием нивелировать негативные последствия избыточно либерального подхода федерального законодателя к электронным обращениям.

А именно, главная проблема электронных обращений состояла в их фактической анонимности (законодатель не требовал подписи в качестве обязательного реквизита электронного обращения). Безусловно, и традиционное письменное обращение может быть подано под вымышленным именем или от имени другого человека. Однако массовой эта проблема не была (до перемещения большинства обращений граждан в электронный формат).

Вторая по значимости проблема – это возможность отправки множественных однотипных обращений от разных адресатов (преимущественно вымышленных или подставных) с целью дестабилизировать работу органа власти.

Третья проблема, тесно связанная с первой, множенная на отсутствие способа идентификации получателя ответа на обращение, заключалась в возможности получения ответов, а соответственно, и информации теми людьми, которые в силу закона не обладают правом на их получение. Особенно острой эта проблема становится, если ответ на обращение предполагает предоставление информации ограниченного доступа (речь здесь не только о персональных данных, но и о более значимой информации, например медицинского характера).

Все вышеназванные проблемы не решены и до настоящего момента (даже после поправок конца 2024 г.), поскольку у органов власти отсутствуют основания не направлять ответ по адресу, указанному в обращении (в том числе и электронному), даже если должностное лицо обоснованно полагает, что фактически к ним обратилось не то лицо, которое указано в тексте обращения.

Основная цель федерального законодателя: расширить применение электронных обращений как способа взаимодействия с субъектами власти, а в перспективе и сделать сеть «Интернет» основным каналом получения обращений органами власти – и была в конечном итоге достигнута. При этом чем выше росла доля электронных обращений (в сравнении с традиционными), тем очевиднее становились недостатки избыточно либерального подхода к правовой регламентации электронных обращений, что в конечном итоге и породило отказ от него в 2025 г. (о чем будет изложено несколько позже).

3. Влияние цифровой трансформации на возникновение альтернативных форм обращений граждан

Следующим шагом, предпринятым федеральным законодателем в развитии правовых основ цифровизации конституционного права на обращение, стали поправки к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁷, устано-

⁶ Порядок организации работы по ведению страниц главы и Администрации городского округа Дегтярск в социальных сетях: утв. Постановлением Главы городского округа Дегтярск от 5 июня 2019 г. № 25 «О ведении официальных страниц главы и администрации городского округа Дег-

тярск в социальных сетях» (п. 8; документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

вившие специальный институт досудебного обжалования, сопроводив его принципиально новым способом подачи жалоб – порталом досудебного обжалования (<https://do.gosuslugi.ru>), созданным на базе Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – Единый портал)⁸. Несмотря на наличие полного нормативного регулирования и относительно узкий сегмент общественных отношений, подпадающих под новое регулирование, создание портала досудебного обжалования затянулось на 3 года, а подключение к нему всех надлежащих адресатов – на многие годы.

Не вдаваясь в подробный анализ всего института досудебного обжалования государственных и муниципальных услуг (поскольку эта тема вполне может быть предметом отдельной публикации), лишь обратим внимание на то обстоятельство, что с точки зрения организации работы с электронным форматом жалобы государством была предложена совершенно новая и «прорывная» концепция.

Во-первых, она предусматривала подачу электронной жалобы посредством единой специализированной государственной информационной системы.

Во-вторых, подача электронной жалобы была обусловлена обязательным установлением личности заявителя посредством Единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА).

В-третьих, предусматривалась обязанность органов власти размещать ответ гражданина в его личном кабинете на платформе досудебного обжалования. Более того, согласно п. 4 Положения о федеральной государственной информационной системе, обеспечивающей процесс досудебного (вне-судебного) обжалования решений и действий (бездействия), совершенных при предоставлении государственных и муниципальных услуг⁹, сведения обо всех досудебных жалобах (независимо от способа их

отправки и получения) должны были размещаться на портале. На практике эта новелла так и осталась нереализованной, однако она и не отменена.

В-четвертых, предусматривалась возможность отслеживания процедуры «рассмотрения» жалобы в реальном времени.

В-пятых, было разработано приложение для мобильных телефонов, специально предназначенное для подачи жалоб на государственные и муниципальные услуги.

В-шестых, предусматривалось полуавтоматическое написание жалобы (когда гражданин, подавая жалобу посредством портала, не столько пишет ее, сколько выбирает наиболее подходящие ответы из имеющихся в меню вариантов).

В-седьмых, портал досудебного обжалования в автоматическом режиме генерирует и размещает статистику о количестве подаваемых жалоб. Сегодня это всё выглядит вполне естественным и даже обыденным, но на момент внедрения подобных решений – это были безусловные новации.

Альтернативной цифровой формой реализации конституционного права на обращение стало внедрение института сообщений на Платформе обратной связи «Решаем вместе» (<https://pos.gosuslugi.ru/>; далее – ПОС) в 2020 г.¹⁰ По замыслу Правительства РФ, исключительно электронные сообщения должны были стать экспериментальной альтернативой традиционным обращениям, для чего их «искусственно» вывели из-под действия Закона о работе с обращениями (несмотря на явную их тождественность уже существовавшим электронным обращениям).

Если не вдаваться в детали, то, в отличие от обращений, к особенностям института сообщений можно отнести: 1) исключительно электронный способ подачи¹¹; 2) единственный канал подачи сообщений – ПОС; 3) единое цифровое пространство для

⁸ Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001201112050024.

⁹ Утв. Постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2012 г. № 1198 (ред. от 20.11.2018) «О федеральной государственной информационной системе, обеспечивающей процесс досудебного (вне-судебного) обжалования решений и действий (бездействия), совершенных при предоставлении государственных и муниципальных услуг» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 48. Ст. 6706).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 10 ноября 2020 г. № 1802 «О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы

“Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)” для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 47. Ст. 7519.

¹¹ В целях объективности отметим, что подача сообщений допускается и посредством звонка оператору колл-центра, который переносит устную речь гражданина в письменную и формирует сообщение на платформе «Решаем вме-

обработки сообщений (от их регистрации до подписания ответов и их отправки заявителям), исключаящее работу с бумажными документами; 4) сокращенные сроки рассмотрения сообщений (иногда измеряемые даже в часах); 5) нетипичное исчисление внутренних сроков рассмотрения сообщений (в процентах к общему сроку); 6) допустимость не указывать адресата сообщения в принципе; 7) возможность публичного информирования о результатах рассмотрения сообщения и др.

Учреждение ПОС и внедрение института сообщений как альтернативы электронным обращениям стало, пожалуй, самым «прорывным» шагом в цифровизации права на обращение (хоть и вызвало неоднозначную реакцию среди должностных лиц, работающих с ПОС). Однако, как и в случае с отзывами, эксперимент с сообщениями не завершен, а их судьба окончательно не решена. Несмотря на их массовое распространение и использование возможностей ПОС для приема традиционных электронных обращений с конца 2023 г., сообщения всё еще не легализованы законодательно. Более того, на практике регулярно возникает путаница между обращениями и сообщениями, поскольку сегодня и те, и другие подаются посредством цифровой оболочки ПОС.

Обратим внимание читателя, что все вышеприведенные вехи в цифровизации права на обращение происходили в рамках либерального подхода к законодательству в области реализации конституционного права на обращение и ставили в качестве одной из целей расширение каналов подачи обращений, повышение удобства для граждан, введение новых (в том числе ранее не известных отечественной практике) видов обращений.

Первый «звонок», свидетельствующий об отказе от либерального подхода применительно к цифровизации права на обращение, прозвучал при разработке и принятии Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Рос-

сийской Федерации»¹². Этот закон, как и упоминавшийся выше Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», вводил специальный институт досудебного обжалования в рамках предмета своего регулирования, и этот институт существенно отличался от традиционного обжалования, предусмотренного Законом о работе с обращениями. Прежде всего, предусматривался единственный способ подачи таких досудебных жалоб – портал досудебного обжалования (<https://knd.gov.ru/main>), а подача жалоб была обусловлена обязательной идентификацией заявителя посредством использования электронной цифровой подписи (причем требования к уровню такой подписи с годами будут только повышаться).

Эту же тенденцию продолжили поправки к Федеральному закону «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» конца 2023 г., касающиеся обжалования, связанного с лицензированием¹³. Вместо всего спектра возможных видов обращений законодатели оставили только электронные, да еще и ограничили их по способам отправки: посредством портала досудебного обжалования или иной государственной информационной системы (обратим внимание читателя, что закон не предусматривал возможность отправки жалоб электронной почтой).

Внедрение ПОС (несмотря на его максимально «пропользовательский» характер) также содержало значимое ограничение – обязательность идентификации заявителей посредством ЕСИА.

Таким образом, в рамках вновь вводимых разновидностей обращений граждан отчетливо наметились две тенденции правового регулирования: с одной стороны, трансформировать их в электронные, а с другой стороны, обусловить их подачу идентификацией заявителя.

Следующим важным шагом к отказу от прежнего либерального подхода к правовому регулированию института обращений граждан стали поправки

сте». Однако, во-первых, практика таких звонков не распространена, а во-вторых, это нововведение, строго говоря, цифровизацией не является, скорее наоборот, поскольку в механизм подачи сообщений включается другой человек, технически обеспечивающий заполнение полей формы подачи сообщений на платформе «Решаем вместе». Другое дело, если портал государственных услуг будет снабжен возможностью распознавания речи или более того – искусственным интеллектом, которые позволят обеспечивать ввод текста сообщения голосом.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

¹³ Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 675-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” и Федеральный закон “О лицензировании отдельных видов деятельности”» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202312250086.

в Закон о работе с обращениями, установившие возможностьправки всех видов обращений во все органы власти посредством Единого портала¹⁴.

Реализация этой новеллы стала возможной двумя способами: путем создания отдельной государственной информационной системы для подачи обращений посредством Единого портала или адаптации существующей ПОС для подачи не только сообщений, но и обращений (тем более что при постановке задач Минцифры России ПОС предусматривалась в том числе и для апробации возможности отправки обращений). Впоследствии Минцифры России был избран второй вариант, что на практике породило значительные сложности для органов власти из-за смешения институтов сообщений и обращений на одной цифровой платформе. К тому же многие органы власти и практически все государственные и муниципальные учреждения еще не подключены к ПОС, а потому в них невозможно отправить ни обращения, ни сообщения.

Наличие проблем, связанных с приемом обращений посредством Единого портала, уже отмечалось многими исследователями [21]. Тем не менее полагаем, что в ближайшей перспективе (5–10 лет) этот способ, скорее всего, станет основным для подачи электронных обращений граждан. Однако на сегодняшний день посредством Единого портала невозможно отправить обращения не только в подавляющее число государственных и муниципальных учреждений, но и во многие органы власти (и что удивительно, в том числе федеральные). В сочетании с невозможностью для заявителей выбрать тип своего волеизъявления на Едином портале (обращение или сообщение) приходится констатировать очевидную преждевременность и непроработанность комментируемого этапа цифровизации конституционного права на обращение.

Поправками конца 2024 г. установлен абсолютный отказ от электронной почты как способа отправки обращений граждан и введена обязательная идентификация всех заявителей, подающих электронные обращения. Теоретически, исключение мо-

жет быть сделано только для обращений в некоторые правоохранительные органы, которые могут сами определить порядок получения электронных обращений (ч. 3 ст. 6 Закона о работе с обращениями). Однако, первый (и единственный на момент написания статьи) такой нормативный акт, регламентирующий отправку электронных обращений в ФСБ России, не содержит упоминания электронной почты в числе способов отправки обращений¹⁵. Он устанавливает единственный канал подачи электронных обращений – официальный сайт ФСБ России (<http://www.fsb.ru>). Более того, допуская в числе реквизитов электронного обращения электронную почту (для отправки ответа гражданину), приказ ФСБ России разрешает не отвечать на указанный в обращении электронный адрес, ограничиваясь ответом только на почтовый адрес заявителя. В то же время, в отличие от общих положений Закона о работе с обращениями, Приказ ФСБ не предполагает идентификации заявителя посредством ЕСИА.

Причины отказа от электронной почты как способа получения обращений граждан и введение обязательной идентификации заявителей строго формально неизвестны. Первоначальный вариант законопроекта, послуживший основой для принятых изменений, предполагал лишь запрет отправлять в органы власти электронные обращения с адресов электронной почты, зарегистрированных вне России¹⁶, и, если следовать пояснительной записке, предназначался для противодействия спам-рассылке со стороны третьих стран¹⁷. Однако впоследствии в ходе рассмотрения в Государственной Думе концепция законопроекта полностью изменилась, но причины такого изменения остались неизвестны, так как никаких пояснительных записок к проектам поправок, вносимых во втором чтении, в системе обеспечения законодательной деятельности федерального законодательного органа не представлено.

На наш субъективный взгляд, отказ от электронной почты стал следствием тех негативных тенденций, которые накопились в силу несовершенства законодательства об электронных обращениях и из-

¹⁴ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202308040085.

¹⁵ Приказ Федеральной службы безопасности РФ от 4 марта 2025 г. № 102 «Об установлении особого порядка направления обращений граждан в форме электронного

документа в органы федеральной службы безопасности и их должностным лицам, а также направления ответов на такие обращения, уведомлений» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202503100006.

¹⁶ Законопроект № 729732-8 от 2 октября 2024 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729732-8>.

¹⁷ Там же.

быточно либерального подхода к ним. Однако радикальность, а главное, сроки вступления изменений в силу (около 3 месяцев) несколько удивляют, поскольку благодаря планомерным усилиям государства граждане всё охотнее и всё более массово перемещают свое общение с органами власти в цифровой формат. Например, статистика Администрации Президента РФ за декабрь 2024 г. свидетельствует, что более 86 % обращений в адрес главы государства являются электронными¹⁸. При этом подавляющее число обращений подается как раз посредством электронной почты (которая признаётся недопустимой с 31 марта 2025 г.) или официальных сайтов органов власти (которые в подавляющем количестве не обладают функцией идентификации заявителя посредством ЕСИА).

Соответственно, «благая цель законодателя» по установлению личности заявителей электронных обращений фактически приведет к тому, что очень многие адресаты обращений граждан не смогут какое-то время принимать электронные обращения от граждан¹⁹.

Безусловно, в ситуации, когда все возможные по Закону о работе с обращениями адресаты будут подключены к Единому portalу, а все их сайты будут иметь возможность принимать обращения граждан с соблюдением условия идентификации заявителя, можно будет констатировать достаточность каналов подачи электронных обращений и полноту реализации конституционного права, гарантированного ст. 33 Конституции РФ. Однако пока о такой гарантированности говорить преждевременно, поскольку очередной этап законодательной регламентации цифровизации права на обращение обернулся частичным отказом от электронного способа подачи обращений, прежде всего ввиду неготовности инфраструктуры к новым требованиям подачи электронных обращений.

4. Заключение

Цифровая трансформация права на обращение в России, несомненно, еще находится на этапе становления, порождающем поиск законодателем вариантов расширения возможностей подачи волеизъявления индивидом или группой индивидов в за-

конодательно установленном порядке (право-поведение) [22, с. 118; 23, с. 153]: дистанционно и в режиме реального времени (мгновенное получение обращения адресатом), возможность полуавтоматического написания жалобы (когда часть формы уже грамотно заполнена машиной или можно выбрать варианты заполнения).

Качественные изменения происходят и в разрезе правомочия право-пользования субъективного права на обращение, т. е. возможности удовлетворения индивидом или группой индивидов своих материальных и духовных потребностей, получение необходимых социальных благ [24, с. 82; 25, с. 20]. Граждане получили возможность удовлетворить потребность оценить деятельность органов власти или отдельного должностного лица (пусть пока только в вопросах качества оказания государственных и муниципальных услуг), возможность сообщить о проблеме для оперативной реакции органов власти (сообщение).

При этом, увы, расширение права-поведения в структуре субъективного права на обращение привело и к негативным фактам появления новой формы злоупотребления данным правом: отсутствию способа идентификации получателя ответа на обращение.

Логично предположить, что дальнейшие законодательные изменения в структуре права-поведения и права-пользования последовательно должны привести к расширению права-требования [26] в структуре субъективного права на обращение: возможности требовать четко установленного перечня форм подачи обращений у каждого органа власти, сокращенных сроков его рассмотрения, юридических последствий для должностного лица, в отношении которого направляются негативные отзывы, и т. д.

В то же время в завершение настоящего исследования хотелось бы обратить внимание на два факта, которые, по нашему мнению, будут определять будущее законотворческого и правоприменительного процесса в области реализации конституционного права на обращение.

Первое – органы власти уже начали внедрять искусственный интеллект для регистрации обра-

¹⁸ Информационно-статистический обзор рассмотренных в декабре 2024 года обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации // Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций: офиц. сайт. 2025. 16 янв. URL: <http://www.letters.kremlin.ru/digests/318>.

¹⁹ Например, авторами исследования проведен выборочный анализ более 20 высших учебных заведений, и ни одно из них на момент подготовки статьи не имело на своем сайте средств идентификации заявителей.

ний. Он, с одной стороны, существенно упрощает работу по определению тематики обращения и подготовке первичной резолюции руководителю, с другой стороны, практика его использования для подготовки непосредственно ответов заявителям авторам статьи пока неизвестна, но, думается, что это лишь вопрос времени. И как только это свершится, можно будет дать полноценную оценку внедрения в работу с обращениями граждан искусственного интеллекта с выявлением как положительных аспектов, так и, возможно, недостатков.

Второе – внедряется опыт проведения личного приема по видеоконференцсвязи, в том числе с устройств граждан. Эта практика, конечно, пока не получила массового распространения, но при подключении всех адресатов обращений к Единому portalу этот вопрос легко может быть решен интеграцией обычной программы проведения видеоконференц-

связи в личный кабинет пользования Единого портала. А это уже другой уровень цифрового обеспечения права на обращения, расширение возможностей участников правоотношений, в том числе в части качества и скорости рассмотрения обращений граждан.

Конституционное право на обращение уже давно «погрузилось» в цифровую реальность, однако такое «погружение» очевидно идет путем многочисленных проб и ошибок, наличие которых, с одной стороны, неизбежно, но, с другой стороны, никто не отменял конституционный принцип «верховенства права и свобод человека и их гарантированность со стороны государства», а это значит, любой «эксперимент» или новелла в реализации неотъемлемого права человека нуждается в серьезной проработке, аргументации и качественной нормотворческой деятельности, что мы пока не всегда наблюдаем в реальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алистратов Ю. Н. Право граждан на обращение в органы публичной власти и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Алистратов. – СПб., 1997. – 152 с.
2. Grabowska S. Right to Petition – Theoretical Analysis / S. Grabowska // *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*. – 2020. – No. 5 (57). – P. 339–349.
3. Ndlovu E. Public Access to, Involvement in, and the Right to Petition Parliament in Zimbabwe / E. Ndlovu, T. Mtetwa, D. Makina // *Language Matters*. – 2021. – Vol. 52, Iss. 3. – P. 114–131. – DOI: 10.1080/10228195.2021.2012501.
4. Węclawska-Misiurek M. The right to petition and a public hearing on draft laws in Poland selected issues / M. Węclawska-Misiurek // *International Journal of Legal Studies*. – 2022. – T. 12, Nr. 2. – S. 145–155. – DOI: 10.5604/01.3001.0016.2388.
5. Oster Ja. Code is code and law is law – the law of digitalization and the digitalization of law / Ja. Oster // *International Journal of Law and Information Technology*. – 2021. – Vol. 29, Iss. 2. – P. 101–117. – DOI: 10.1093/ijlit/eaab004.
6. Alekseeva N. Digitalization of law in the modern world / N. Alekseeva, A. Korepina, Y. Rymkevich, E. Malinenko, N. Shutikova // *Lex Humana*. – 2023. – Vol. 15, No. 3. – P. 309–324.
7. Wang C. Understanding the Evolution Law of E-Commerce Logistics Driven by Digitalization / C. Wang, W. Luo, B. O. K. Baffoe // *Application of Intelligent Systems in Multi-modal Information Analytics : The 4th International Conference on Multi-modal Information Analytics (ICMMIA 2022)* / eds. V. Sugumaran, A. G. Sreedevi, Z. Xu. – Cham : Springer, 2022. – Vol. 1. – P. 133–139. – (Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies; vol. 136). – DOI: 10.1007/978-3-031-05237-8_17.
8. Степкин С. П. Цифровая трансформация обращений граждан с использованием современных информационных технологий / С. П. Степкин // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2022. – № 4. – С. 75–76. – DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_72.
9. Яцуценко В. В. Специфика внедрения информационных технологий в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по работе с обращениями граждан / В. В. Яцуценко // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2022. – № 3. – С. 157–158. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.91.3.153-158.
10. Савицкая О. Г. Конституционно-правовое регулирование института сообщений и обращений граждан и юридических лиц в условиях цифровизации публичного управления / О. Г. Савицкая // *Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. – Казань : Познание, 2023. – Т. 1. – С. 263–280.*

11. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42. – DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2.
12. Карцхия А. А. Цифровое право как будущее классической цивилистики / А. А. Карцхия // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет : ежегодник / отв. ред. Е. Г. Афанасьева. – М., 2018. – Вып. 1. – С. 26–40.
13. Пашенцев Д. А. Пробелы в праве в эпоху цифровизации / Д. А. Пашенцев // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М. : Инфотропик Медиа, 2022. – С. 32–38.
14. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Н. Тарасов. – Екатеринбург, 2002. – 343 с.
15. Пучков В. О. Понятийно-терминологический аппарат юридической науки: генезис, функции, структура : дис. ... канд. юрид. наук / В. О. Пучков. – Екатеринбург, 2022. – 261 с.
16. Толстой Ю. К. К теории правоотношений / Ю. К. Толстой. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 87 с.
17. Скиндеров Р. В. Объективное и субъективное в праве : дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Скиндеров. – Екатеринбург, 2006. – 187 с.
18. Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Савоськин. – Екатеринбург, 2019. – 482 с.
19. Мещерягина В. А. Право граждан на обращение в органы исполнительной власти РФ (конституционно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Мещерягина. – Екатеринбург, 2018. – 222 с.
20. Савоськин А. В. Допустимо ли признавать рассмотрение обращений граждан разновидностью государственных (муниципальных) услуг? / А. В. Савоськин // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 574–579. – DOI: 10.7256/1999-2807.2014.6.12114.
21. Безруков А. В. Подача обращений граждан посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг: проблемы и пути реализации / А. В. Безруков, А. В. Савоськин, В. А. Руколеев // Административное право и процесс. – 2024. – № 11. – С. 29–34. – DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-29-34.
22. Матузов Н. И. К делению права на объективное и субъективное / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1971. – № 2. – С. 118–119.
23. Алексеев С. С. Проблемы теории и права : курс лекций / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – 779 с. – (Собр. соч. : в 10 т.; Т. 3).
24. Хохлова Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / Е. М. Хохлова. – Саратов, 2008. – 169 с.
25. Васев И. Н. Субъективное право как общетеоретическая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Васев. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.
26. Широбоков С. А. Универсальность конституционного права на обращение / С. А. Широбоков // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 6–9.

REFERENCES

1. Alistratov Yu.N. *The right of citizens to appeal to public authorities and local self-government bodies in the context of the formation of a democratic rule of law in Russia*, Cand. Diss. St. Petersburg, 1997. 152 p. (In Russ.).
2. Grabowska S. Right to Petition – Theoretical Analysis. *Przegląd Prawa Konstytucyjnego = Constitutional Law Review*, 2020, no. 5 (57), pp. 339–349.
3. Ndlovu E., Mtetwa T., Makina D. Public Access to, Involvement in, and the Right to Petition Parliament in Zimbabwe. *Language Matters*, 2021, vol. 52, iss. 3, pp. 114–131. DOI: 10.1080/10228195.2021.2012501.
4. Węclawska-Misiurek M. The right to petition and a public hearing on draft laws in Poland – selected issues. *International Journal of Legal Studies*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 145–155. DOI: 10.5604/01.3001.0016.2388.
5. Oster Ja. Code is code and law is law—the law of digitalization and the digitalization of law. *International Journal of Law and Information Technology*, 2021, vol. 29, iss. 2, pp. 101–117. DOI: 10.1093/ijlit/eaab004.
6. Alekseeva N., Korepina A., Rymkevich Y., Malinenko E., Shutikova N. Digitalization of law in the modern world. *Lex Humana*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 309–324.

7. Wang C., Luo W., Baffoe B.O.K. Understanding the Evolution Law of E-Commerce Logistics Driven by Digitalization, in: Sugumaran V., Sreedevi A.G., Xu Z. (eds.). *Application of Intelligent Systems in Multi-modal Information Analytics*, The 4th International Conference on Multi-modal Information Analytics (ICMMIA 2022), Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies; vol. 136, Cham, Springer Publ., 2022, Vol. 1, pp. 133–139. DOI: 10.1007/978-3-031-05237-8_17.
8. Stepkin S. Digital transformation of citizens' appeals using modern information technologies. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: education, practice, researches*, 2022, no. 4, pp. 75–76. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_72. (In Russ.).
9. Yatsutsenko V.V. The Specificity of Introducing Information Technologies into the Activities of the Bodies of the Prosecution of the Russian Federation for Working with Appeals of Citizens. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 3, pp. 153–158. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.91.3.153-158. (In Russ.).
10. Savitskaya O. Constitutional and legal regulation of the Institute of communications and appeals of citizens and legal entities in the conditions of digitalization of public administration, in: *Tsifrovye tekhnologii i pravo = Digital Technologies and Law*, Collection of scientific articles of the II International scientific and practical conference, in 6 volumes, Kazan, Poznanie Publ., 2023, vol. 1, pp. 263–280. (In Russ.).
11. Bondar N.S. Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2. (In Russ.).
12. Kartskhiya A.A. Digital law as a future of classic civil law, in: Afanas'eva E.G. (ed.). *Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, Internet*, Annual, Moscow, 2018, iss. 1, pp. 26–40. (In Russ.).
13. Pashentsev D.A. Gaps in law in the era of digitalization, in: Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. (eds.). *Probely v prave v usloviyakh tsifrovizatsii = Gaps in law in the conditions of digitalization*, Collection of scientific articles, Moscow, Infotropic Media Publ., 2022, pp. 32–38. (In Russ.).
14. Tarasov N.N. *Methodological problems of modern jurisprudence*, Doct. Diss. Yekaterinburg, 2002. 343 p. (In Russ.).
15. Puchkov V.O. *Conceptual and terminological apparatus of legal science: genesis, functions, structure*, Cand. Diss. Yekaterinburg, 2022. 261 p. (In Russ.).
16. Tolstoi Yu.K. *Towards the theory of legal relations*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1959. 87 p. (In Russ.).
17. Skinderev R.V. *Objective and subjective in law*, Cand. Diss. Yekaterinburg, 2006. 187 p. (In Russ.).
18. Savos'kin A.V. *Appeals of citizens in the Russian Federation: constitutional and legal research*, Doct. Diss. Yekaterinburg, 2019. 482 p. (In Russ.).
19. Meshcheryagina V.A. *The right of citizens to appeal to the executive authorities of the Russian Federation (constitutional and legal aspect)*, Cand. Diss. Yekaterinburg, 2018. 222 p. (In Russ.).
20. Savos'kin A.V. Is it acceptable to recognize the consideration of citizens' appeals as a type of state (municipal) services?. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2014, no. 6, pp. 574–579. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.6.12114. (In Russ.).
21. Bezrukov A.V., Savoskin A.V., Rukoleev V.A. Submission of applications of citizens through the Unified Portal of State and Municipal Services: problems and implementation paths. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2024, no. 11, pp. 29–34. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-29-34. (In Russ.).
22. Matuzov N.I. On the division of law into objective and subjective. *Pravovedenie*, 1971, no. 2, pp. 118–119. (In Russ.).
23. Alekseev S.S. *Problems of theory and law*, Course of lectures, Collected works in 10 volumes; Vol. 3. Moscow, Statut Publ., 2010. 779 p. (In Russ.).
24. Khokhlova E.M. *Subjective law and legal obligation in the mechanism of legal regulation*, Cand. Diss. Saratov, 2008. 169 p. (In Russ.).
25. Vasev I.N. *Subjective law as a general theoretical category*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2011. 27 p. (In Russ.).
26. Shirobokov S.A. Universality of the constitutional right to appeal. *“Chernye dyry” v rossiiskom zakonodatel'stve = “Black Holes” in Russian legislation*, 2015, no. 3, pp. 6–9. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, ¹профессор кафедры конституционного права, ²профессор кафедры конституционного и международного права

¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

² Уральский государственный экономический университет

¹ 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

² 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: jktu1976@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1371-7249

SPIN-код РИНЦ: 1494-4895; AuthorID: 346061

Савоськин Александр Владимирович – доктор юридических наук, доцент, ¹заведующий кафедрой конституционного и международного права, ²старший научный сотрудник кафедры конституционного и административного права

¹ Уральский государственный экономический университет

² Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)

¹ 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

² 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76

E-mail: savoskinav@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7112-6845

Мещерягина Вероника Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права
Уральский государственный экономический университет

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: meshcheryagina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9507-9417

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кожевников О.А. Цифровая трансформация конституционного права граждан на обращение / О.А. Кожевников, А.В. Савоськин, В.А. Мещерягина // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 3. – С. 32–43. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).32-43.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oleg A. Kozhevnikov – Doctor of Law, Professor;

¹Professor, Department of Constitutional Law;

²Professor, Department of Constitutional and International Law

¹ Ural State Law University

² Ural State University of Economics

¹ 21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia

² 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: jktu1976@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1371-7249

RSCI SPIN-code: 1494-4895; AuthorID: 346061

Alexander V. Savoskin – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Head, Department of Constitutional and International Law; ²Senior Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law

¹ Ural State University of Economics

² South Ural State University (National Research University)

¹ 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

² 76, Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russia

E-mail: savoskinav@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7112-6845

Veronika A. Meshcheryagina – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Constitutional and International Law
Ural State University of Economics

62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: meshcheryagina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9507-9417

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kozhevnikov O.A., Savoskin A.V., Meshcheryagina V.A. Digital transformation of the constitutional right of citizens to appeal. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 3, pp. 32–43. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).32-43. (In Russ.).